

О. М. Рындина

## ОБРАЗ СИБИРИ В КОЛЛЕКТИВНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЯХ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ\*

**АННОТАЦИЯ.** Рассмотрена динамика образа Сибири у депортированных российских немцев и их потомков в аспекте культурной и психологической адаптации этноса к экстремальным условиям. Материалом послужили данные этнографических экспедиций 2013–2016 гг. на север Томской области (территория бывшего Нарымского округа). Показано, что для первого поколения депортированных немцев образ Сибири определился формулой «сослали нас в проклятый Нарым», стал воплощением абсолютного зла и несправедливости и вызывал неприязнь. Он противопоставлялся мифологизированному образу покинутого Поволжья, который стал средством психологической адаптации к тяжелейшим условиям депортации и выживания на новом месте. Установлено, что у второго поколения депортированных российских немцев, привезенных в Нарым в раннем возрасте или родившихся здесь, образ Сибири приобрел лиминальные, транзитные черты: «Там уже не свои, и здесь еще не свои». Раскрыт тезис о том, что третье поколение российских немцев, родившееся и выросшее в Сибири и не испытывавшее на себе со стороны родителей психологической установки «проклятый Нарым», именно его считает своей родиной. Неактуальным стало противопоставление Поволжья и Сибири. Более того, представление о Сибири подверглось идеализации. Раскрыты причины произошедших трансформаций, коренящиеся в политической, социально-экономической и этнокультурной сферах.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** история и культура российских немцев, депортация, Нарымский округ, образ Сибири

УДК 159.99

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-162-168

РЫНДИНА ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА — д.и.н., профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия института искусств и культуры, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия, Томск)

E-mail: [rynom\\_97@mail.tomsknet.ru](mailto:rynom_97@mail.tomsknet.ru)

\* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-01-00263 «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири» (рук. О. М. Рындина).

Образы «своего» и «чужого» составляют стержень авто- и гетеростереотипов и во многом реализуются на уровне подсознательного. Указанная дихотомия активно выражается в этнической картине мира, охватывая прежде сферу этнопсихологии, или, выражаясь словами известного отечественного психолога Г. Г. Шпета, ценностные, сознательные или бессознательные, отношения к смыслам, выраженным в культурных явлениях (Шпет 1996: 10). При этом ответом на социокультурную событийность становится формирование коллективных переживаний: «Как бы индивидуально ни были люди различны, есть типически общее в их переживаниях как “отклик” на происходящее перед их глазами, умами и сердцем» (Там же: 110–111). Это «типически общее» в переживании исследователь определил как «дух», «душу» народа, его «характер». Для воссоздания процесса формирования коллективных переживаний, созидающих образное поле культуры, требуется исследовательский путь от индивидуального переживания конкретного человека к «типически общему» и попытка интерпретации последнего с точки зрения коллективного сознания.

В статье предпринята попытка проследить процесс формирования образа Сибири у депортированных в годы Великой Отечественной войны в регион российских немцев и его содержание у последующих поколений. Источником послужили полевые этнографические материалы, собранные в 2013–2016 гг. на севере Томской области (территория бывшего Нарымского округа) в ходе совместных экспедиций студентов кафедры музеологии, природного и культурного наследия института искусств и культуры Томского государственного университета и активистов Российско-Немецкого дома. Административно-территориальная единица Нарымский округ был создан в мае 1932 г. с целью размещения различных категорий спецпереселенцев. На современной карте Нарымский округ территориально совпадает с семью северными районами Томской области. Экспедиционные исследования охватили три из них — Александровский, Парабельский и Колпашевский.

Миграционный поток российских немцев на означенную территорию состоял из нескольких волн разной интенсивности. На 1930-е гг. приходится выселение сюда «кулаков» и «врагов народа». С началом Великой Отечественной войны в Нарымский округ были переселены представители указанных категорий репрессированных из более южных районов Сибири, в частности с территории современной Кемеровской области. Определяющую роль в формировании немецкого населения в Нарымском округе сыграла вторичная депортация немцев осенью 1942 г. для обеспечения рабочими руками лесной и рыбной отраслей хозяйства. С этой целью из центральных районов Новосибирской области в Нарымский край было вывезено 15 тыс. человек (Герман 2009: 433). Они и составили основу немецкой диаспоры, сформировавшейся на территории края. Среди переселенцев хорошо различаются два потока — из Республики немцев Поволжья (Саратовская область) и с Украины (Запорожье). Места исхода в первом потоке представлены преимущественно центральным (Зельманский) и северо-восточными (Мариентальский и особенно Маркштадтский) кантонами, во втором — Запорожской областью.

Легитимизировали вторичную депортацию Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» и Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г. «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области». В последнем определялся механизм депортации, включавший в себя меры по обеспечению переселенцев жильем, пищей, работой. На деле обеспечение коснулось лишь работы — тяжелейший труд на лесозаготовках, лесообработке, рыбной ловле, в колхозах. Все остальное было отдано на откуп самим переселенцам, которые оказались на грани физического выживания, поскольку хлебного пайка, продуктов и зарплаты, выдаваемых соответственно на лесозаготовках, в колхозах и на рыбзаводах,

катастрофически не хватало. Особенно тяжелым стало время с осени 1942 по осень 1943 г., пока не созрел первый урожай картошки на посаженных переселенцами огородах.

Неудивительно, что для первого поколения депортированных немцев образ Сибири определился формулой «сослани нас в проклятый Нарым», стал воплощением абсолютного зла и несправедливости и вызывал неприязнь. Этому способствовала, во-первых, несхожесть природно-географических характеристик — теплых покинутых мест и холодного неприветливого Томского Севера. Во-вторых, отход от привычного образа жизни, представленного земледелием, огородничеством, садоводством, скотоводством. Невозможным оказалось и воспроизведение традиций в празднично-обрядовой сфере. В-третьих, подневольное обращение к нетрадиционным занятиям — рыболовству («Раньше рыбу в глаза не видела, не то чтобы ловить ее», — такова была реакция на решение отправить немецких женщин на лов рыбы) (Рындина 2015а: 10), работе на лесозаготовке и лесообработке.

В-четвертых, обращение к экстренным средствам выживания, актуализация «подручных средств», нетрадиционных ни для этнической культуры, ни для культуры этноса. В области жилища они воплотились в строительстве «землянок», точнее полуземлянок. Для обеспечения минимума пищи приходилось использовать крайние средства: дети становились няньками, нередко ходили по дворам и просили подаяние, побирались по помойкам: «Собирали и ели выброшенные косточки от рыб. Летом варили лебеду и крапиву, их в деревне не росло — все сорвали и съели» (ПМА 2016а). Весной тайком перекапывали поля с картошкой, пытаясь найти в земле оттаявшие клубни, из которых пекли лепешки. Не лучше обстояло дело и с одеждой: она приходила в полную негодность по причине изношенности или выменивалась на продукты. Дети часто не посещали школу из-за отсутствия теплой одежды и обуви, нередко были случаи обморожения ног. Радостью становились платья, сшитые из старых списанных простыней, «шахтерские ботинки» с пришитыми к ним матерью голенищами из мешка. «Ходить в них было очень хорошо, тепло, но приходилось плотно обматывать голенища, чтобы обувь не сваливалась» (Ефремова 2015: 75).

В-пятых, формированию негативного образа Сибири способствовали и гетеростереотипы у местного населения по отношению к немцам. Обидное и незаслуженное прозвище «фашисты» ранило и заставляло замыкаться в себе, болезненно воспринимая все окружающее. И хотя со временем приходило осознание того, что у всех общее горе, все же нанесенные раны порой не зажили до сих пор. «В жизни Эрики Давидовны не раз случалось, когда хотелось забыть, что ты — немка. В детстве ее и дразнили, и обижали, и фашистом называли. До сих пор помнит, как страстно хотела попасть в пионерский лагерь, а ребята ответили: “Фашистов в лагерь не берут”. В училище также не покидало некомфортное ощущение, вызванное отношением со стороны сверстников, но не учителей. Имя накладывало отпечаток, в школе и среди друзей чаще называли по фамилии» (Сысоева 2016: 82).

Нарымский край первым поколением депортированных немцев отторгался решительно и бескомпромиссно. Более того, его образ стал диаметральной противоположностью образу покинутого Поволжья. На основе воспоминаний родителей конструировался образ родины и в сознании детей, в малолетнем возрасте привезенных в Нарымский край. Этот образ был практически лишен отрицательных черт. По словам повзрослевших и уже состарившихся детей, их родители рисовали жизнь в Поволжье исключительно как «хорошую», «обеспеченную», «в достатке». Колхоз непременно характеризуется как «богатый», располагавший всем в изобилии: «Поля имел большие, не было видеть им конца и края. С них собирали много зерна, целые горы». Земля, как главный гарант достатка, в Поволжье была такая, что на ней «все родилось на славу. Стоило только бросить семечко, как оно тотчас же вырастало» (Рындина 2015а: 7). Произошла явная мифологизация образа покинутой роди-

ны, ставшая средством психологической адаптации к адским условиям депортации и выживания на новом месте: идеализированная память о прежней жизни согревала душу и давала силы выстоять в суровом и безжалостном настоящем. Психологическая адаптация к новым условиям проходила мучительно, и у первых поколений так и не завершилась полностью. Им не удалось примириться с Нарымским краем психологически. Образно это неразорванное состояние с прошлым рисует пронзительная картина, воссозданная одним из наших собеседников. «Когда пароход, завершая навигацию, уходил из Парабели в последний рейс, то на прощание он давал длинный гудок. Немецкие женщины выстраивались на берегу и, провожая его, рыдали навзрыд, ежегодно ощущая безысходность разрыва с большой землей и малой родиной — Поволжьем» (Рындина 2015b: 100).

У второго поколения депортированных российских немцев, привезенных в Нарым в раннем возрасте или родившихся здесь, произошла трансформация образа Сибири, он приобрел лиминальные, транзитные черты: «Там уже не свои, и здесь еще не свои». На динамику существенно повлияли два фактора.

Снятые со спецучета в декабре 1955 г., российские немцы получили возможность вернуться на родину. Ею воспользовались немногие, причем часть из них вернулась, мотивируя возвращение следующим образом: там «уже ничего немецкого не осталось» (Кыргыз 2015: 83). Не увенчались успехом и ходатайства о восстановлении Республики немцев Поволжья, что резко охладило настроения по возвращению на родину, в Поволжье. Не произошло и массового переселения на Украину, в Запорожье. Сокрушаясь по ней, подчеркивая ущербность, в том числе и культурную, Сибири («здесь даже вилы — деревянные»), тем не менее спецпереселенцы оставались в Нарыме, мечтая покинуть его. Эта двойственность отношения к Сибири была определена, с одной стороны, по-прежнему отсутствием психологической адаптации к ней, с другой — начавшимся процессом культурной адаптации. Нарым уже удерживал, хотя содержание этой связи еще не осознавалось, но само ее наличие уже не подлежало сомнению и не позволяло полностью отрицать место рождения или проживания.

Культурная адаптация к суровым условиям Нарымского севера, протекавшая в 1950–1960-е гг., стала вторым фактором, обусловившим динамику образа Сибири. Она включала, с одной стороны, возвращение к привычным занятиям. Немецкие семьи энергично расчищали под огороды пустующие земли, активно обзаводились хозяйством. Немецкие стайки, постройки для скота, — это ода в дереве немецкой хозяйственности. Они продуманы до мелочей, включая содержание разных пород скота, хранение запасов сена и кормов, хитроумную очистную систему, и выполнены с удивительным изяществом и любовью. Возрождались навыки ремесла, столь свойственные немецкой культуре повседневности. Мастера по изготовлению утвари и мебели: сундуков, этажерок, шкафов, буфетов, комодов, шифоньеров, а также декоративных деталей для жилища, прежде всего наличников, — удовлетворяли потребности всех жителей села, невзирая на национальность. Давала о себе знать и техническая смекалка немцев. Диапазон ее проявления был широк: от приспособления к мясорубке для кручения фарша до самодельных мини-тракторов. Актуализировались этнические традиции в празднично-обрядовой сфере, планировке подворья, убранстве жилища и особенно в пищевом рационе (Рындина 2016).

С другой стороны, процесс этнокультурной адаптации предполагал усвоение новых элементов, характерных для культуры местного, в том числе аборигенного, населения. Нередким стало обращение к нетрадиционным для материнской культуры немцев, но традиционным для местного населения занятиям: рыболовству, охоте, сбору дикоросов. «Зятевья у Владимира Александровича не рыбаки, не охотники, а сам он — заядлый рыбак и охотник. Рыбу ловит сетями, ставя их летом

на лодке, а зимой практикует подводный лов через лунки с помощью бурана. Как он говорит, “на рыбе еще никто не озолотился”, но вложенные средства окупаются, следовательно, рыбу продавать выгодно. Весной и осенью Владимир Александрович охотится на гусей и уток на одних и тех же местах, расположенных на путях сезонных миграций птиц. На лодке добирается до них километров 20. Сооружает “скрадки” — шалаши, прикрытые сеном, рядом устанавливает чучело и ждет, когда будет пролетать стая. Она садится, завидев чучело. Раньше за утро и вечер добывал по 100 штук птицы. Ягоду (клюкву, бруснику, чернику, голубику) и грибы заготавливают только для себя. Не сдают. Собирают и рядом с деревней, и отплывая на лодке к месту сбора. Километрах в 15 от Лукашкина Яра находится кедровник. В годы урожая шишки он отправляется за сбором падалицы. Заготавливает на семью по три мешка орехов» (ПМА 2016b). Осознание трансформации, произошедшей с немецкой культурой в Сибири, и роли в ней аборигенных традиций выразилось в полущутливом варианте самоидентификации — «русско-немецкие остяки» (ПМА 2016с).

Третье поколение российских немцев, родившееся и выросшее в Сибири и, что важно подчеркнуть, уже не испытывавшее на себе со стороны родителей психологической установки «проклятый Нарым», именно его считает своей родиной. Это первое поколение российских немцев в Нарымском крае, для которых место рождения и место проживания стали синонимами, а связь с Нарымом определяется понятием «родная земля». Эта связь выстрадана двумя предшествующими поколениями немцев, чувствовавшими себя здесь чужими или не своими. Осознание Нарыма родной землей психологически уравнило немцев в правах на эту землю с другими проживающими на ней народами и стало мощным фактором внутренней уверенности: «Я здесь иду с гордо поднятой головой, потому что где родился, там и пригодился. И пусть кто-нибудь попробует мне сказать, что я здесь чужая!» (ПМА 2014). Для третьего поколения впервые неактуальным стало противопоставление Поволжья и Украины Сибири и Нарыму. Более того, уже Сибирь стала подвергаться идеализации: «Я побывала во многих местах, но лучше здешних нет. Такая красота вокруг — лес, река, и все есть: ягоды, грибы, рыба, звери. Идешь по поселку — тебя все знают, говорят “Здравствуйте!”, улыбаются. И жить радостно!» (Рындина 2015с: 66). Благодаря культурной и психологической адаптации к Нарымскому краю оцененным оказался его природный потенциал.

Новый образ Сибири подвергся серьезному испытанию в 1990–2010-е гг. в связи с открывшейся перспективой переезда в Германию. Мощно заработал фактор ситуационизма, и немецкое население в Томской области значительно поредело: 1970 г. — 15 317, 2002 г. — 13 444, 2010 г. — 8 687 человек. В контексте образа Сибири показательна мотивация оставшейся части российских немцев, которые и не собираются переезжать. В ней отчетливо проступают два блока толкований.

(1) Отношение к Сибири/Нарыму как к родной земле, которую не выбирают, но которую и не бросают: «Где родился, там и пригодился». Стилистические варианты: «в Нарыме родился я, мои дети и внуки», «надо жить, где вырос, а мы тут выращенные», «я обязан этому району, думаю, что и он кое-чем обязан мне».

(2) Ощущение своей инаковости в Германии: «Нас там только не хватало!», «Кому я там нужен?», «Что я там забыл?» Следует подчеркнуть, что инаковость пролегает и через этническую идентичность: «Немцами в Германии не стать, будем русскими», «там мы будем второстепенными». Таким образом, российские немцы, по их мнению, оказываются в Германии чужаками и им предстоит сложный процесс психологической адаптации к инородной среде. Германская земля станет родной лишь для последующих, родившихся на ней поколений немцев, переселившихся из Сибири. К этому добавляется осознание трудности привыкания к новому месту по преклонности возраста, когда сложно менять привычки.

Как видим, открытие границ для переселения в Германию способствовало формированию ментальной оппозиции «Сибирь — Германия». Вновь Сибирь противопоставляется исторической родине, только на сей раз она оказывается в зоне положительных смыслов, ассоциируясь с родной землей: «Тут мы дома, а там — в гостях».

В целом образ Сибири у разных поколений депортированных российских немцев приобретал разное содержательное наполнение: от «проклятого Нарыма» до малой родины и зависел от социокультурного и сопряженного с ним психологического контекста.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА 2014. Л. Г. Мартынова (Шмаль), с. Парабель, Парабельский район, Томская область.
- ПМА 2016а. М. Ф. Греф (Вельш), с. Новоникольское, Александровский район, Томская область.
- ПМА 2016б. В. А. Беренгард, с. Лукашкин Яр, Александровский район, Томская область.
- ПМА 2016с. Ф. Ф. Букарин (Функ), с. Новоникольское Александровского района.
- Герман А. А.* Депортация советских немцев из европейской части СССР // История и этнография немцев в Сибири. Омск, 2009. С. 401–443.
- Ефремова В. С.* Сильная натура (о Луговской (Шпетер) Екатерине Алексеевне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 74–77.
- Кыргыз А. Б.* Где родился, там и пригодился // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015. С. 78–85.
- Рындина О. М.* Юдоль российских немцев Парабельского района // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015а. С. 6–18.
- Рындина О. М.* Последний пароход, или Ода о матери (о Райсе Федоре Федоровиче) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015б. С. 96–100.
- Рындина О. М.* Сказание о Кнаубах // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Парабельский район. Томск, 2015с. С. 60–69.
- Рындина О. М.* Адаптивный потенциал этнической культуры (на материалах по российским немцам Нарымского края) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 90–95.
- Сысоева М. С.* «Никуда я из Сибири не поеду» (о Горн (Фейлер) Лидии Германовне) // Российские немцы в этнокультурной палитре Томского Севера: Колпашевский район. Томск, 2016. С. 77–82.
- Шпет Г. Г.* Введение в этническую психологию. СПб., 1996.

**IMAGE OF SIBERIA IN GROUP EXPERIENCES OF RUSSIAN GERMANS**

**ABSTRACT.** The article is devoted to the image of Siberia as perceived by Russian Germans deported to Siberia from the Volga region, as well as their descendants, in the context of psychological adaptation to extreme conditions. The research is based on the data collected by ethnographic expeditions to the northern areas of Tomsk region, Narym territory, in 2013–2015. It demonstrates that for the first generation of the deported Germans the image of Siberia was defined by the formula: “They banished us to the accursed Narym”. It became the epitome of absolute evil and injustice and evoked hostility. This image was opposed to the mythologized one of the abandoned Volga region, which became a means of psychological adaptation to the most difficult conditions of deportation and survival in a new place. As for the second generation of deported Russian Germans, who were brought to Narym at an early age or were born there, it has been established that they had acquired a liminal or transitional image of Siberia: «We are no longer at home there, and not yet here». It is also concluded that the third generation of Russian Germans, born and raised in Siberia and not affected by their parents’ attitudes to the “damned Narym”, tends to consider it their homeland. Opposition of the Volga region and Siberia has become irrelevant. Furthermore, the idea of Siberia has been idealized. Article aims to reveal the reasons for this transformation, which are rooted in the political, social, economic and cultural fields.

**KEYWORDS:** Russian Germans history and culture, deportation, Narym territory, image of Siberia

OLGA M. RYNDINA — Doctor of Historical Sciences, National Research Tomsk State University (Russia, Tomsk)

E-mail: rynom\_97@mail.tomsknet.ru